DE L'INFLUENCE

DES ÉTUDES MORALES

SUR

L'IDÉE DE LA PHILOSOPHIE

PAR M. ERNEST NAVILLE

CORRESPONDANT DE L'INSTITUT DE FRANCE

MÉMOIRE

LU A L'ACADÉMIE DES SCIENCES MORALES ET POLITIQUES

PARIS

1867

О ВЛИЯНИИ

МОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ФИЛОСОФИИ

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

Член-корреспондент Института Франции (Академии моральных и политических наук),
бывший профессор философии в Женевском университете.

ПАРИЖ

1867 г.



Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top



СОДЕРЖАНИЕ

- ВВЕДЕНИЕ
- Первая часть. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ – 3
- Вторая часть. НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ – 5
- Третья часть. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ – 7
- Четвертая часть. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ И БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ – 9
- Краткий обзор книги – 11

ВВЕДЕНИЕ

Философия, в самом высоком значении этого слова, не является одной из наук наряду с другими, обладающей особым предметом, ограничивающим сферу её исследований. Она стремится открыть общие принципы бытия и общие законы познания и тем самым обладает универсальным характером, отличающим её с самого начала. Почему Фалес и Пифагор занимают особое место среди тех моралистов и законодателей, которым Греция присудила титул мудрецов? Почему они названы первыми философами? Потому что они поставили, выше всякой частной задачи, задачу всеобщую и стремились её разрешить. Этот характер универсальности по-прежнему принадлежит философии. Он встречается в произведениях Гегеля и Огюста Конта так же, как и в фрагментах Пифагора и Фалеса.

Можно ли создать универсальную науку одними лишь средствами разума, не учитывая результатов опыта? Некоторые верили в это, и имя Декарта в истории новой философии навсегда будет связано с воспоминанием об этой смелой попытке. Это дерзновение гения дало плодотворные побочные результаты, но сама попытка потерпела неудачу. Претензия мысленно построить вселенную, не удосуживаясь её наблюдать, по крайней мере, на время, погребена под развалинами гордого Гегелевского строя. Если есть принцип, которым пронизан дух нашего времени, то это именно тот, что выражен в латинском указателе к сочинениям Галилея: Unicum experimentum omnes rationes probabiles evertit — "Одного опыта достаточно, чтобы опровергнуть все правдоподобные умозаключения". Философия, таким образом, подчиняется контролю всех частных наук, обобщающих данные наблюдения. Если она захочет идти одна, она заблудится. Образно говоря, она занимает трон в монархии по существу конституционной.

Мораль — философская наука; но по отношению к самой философии она является частной наукой. Предполагая признанными изложенные выше принципы, я хотел бы указать на влияние, которое мораль должна оказывать на всеобщую науку; но эта обширная тема будет здесь рассмотрена только с одной стороны. Философы различаются не только своими доктринами; они не согласны даже в отношении самой природы своего предмета, в представлении о философии. Изложить два соперничающих взгляда на понятие философии и показать влияние моральных исследований на решение проблемы, возникающей из их противостояния, — вот собственно цель этого исследования.

† † †

Первая часть. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

вернуться к содержанию >>>

Аристотель свёл к четырём вопросы, которые разум человека задаёт себе перед лицом факта:

1. Субстанция вещи (causa materialis);
2. Идея, в соответствии с которой организована субстанция (causa formalis);
3. Производящая сила (causa efficiens);
4. Цель, которую преследует производящая сила (causa finalis).

Когда ответы на эти четыре вопроса получены, разум удовлетворён. — Передо мной статуя. Если я знаю, из какого она материала, кто её автор, какой идеал он имел перед собой и какова цель его труда — у меня больше нет вопросов. Этот анализ, принадлежащий основателю логики, представляется справедливым. Попробуем перевести его на наш язык.

Указание на материю или субстанцию вещи не было бы элементом науки, если бы оно не пробуждало представления о определённой природе с определёнными фиксированными свойствами. Сказать, что статуя сделана из мрамора, ничего бы не значило, если бы слово

"мрамор" не отвечало такой концепции. Объединить в одно понятие предметы, обладающие общими свойствами, — значит создавать классы. Поиск материальной причины, следовательно, соответствует процессу классификации.

Формальная причина соответствует нашему представлению о типе — если речь идёт об индивидуальном существовании — или, в случае ряда явлений (что чаще всего в науке), нашему понятию закона. Определить закон — значит открыть формулу, которая приводит последовательность или одновременность фактов в порядок, воспроизводимый логической связью наших идей.

Но на этом любопытство разума не останавливается. Узнав закон, мы спрашиваем о причине. Здесь уместно заметить, вслед за г-ном Франком[1], что в нашем языке слово "причина" не охватывает того значения, какое ему придаёт Аристотель. Материя явлений и их закон — это условия существования, а не причины. Мы обозначаем этим словом только производящую силу, то есть исключительно действующую (efficiente) причину.

[1] Dictionnaire des sciences philosophiques, статья "Cause".

С представлением о причине тесно связано представление о цели, как заметил Аристотель, ибо мы естественно, даже обязательно, предполагаем, что производящая сила всегда имеет цель в проявлении своей деятельности. Устанавливать классы, формулировать законы, открывать причины, определять цели — таков путь мышления при построении науки. — Речь идёт здесь об объективном наблюдении. Изучая спонтанные процессы разума, мы замечаем, что он именно так и поступает, как утверждает основатель логики. А философия, как высшее выражение науки, задаёт себе те же четыре вопроса, но уже не по отношению к частным фактам, а применительно ко всему существующему. Она стремится обнаружить субстанцию, закон, причину и цель вселенной: таков её замысел.

Эти рассуждения ясно показывают важность вопроса, поднятого сравнением двух программ философии: старой и новой. Современная наука — фаталистична (не допускающая свободы, механическая) по самой формулировке идеи науки. Вопрос о существовании свободы во вселенной таким образом решается априори, по правилу метода. Факты морального порядка доказывают ошибочность подобной концепции и оправдывают программу древних — вот мой основной тезис.

Он покажется очевидным для многих умов, которые без всяких доказательств согласятся с тем, что учение, отрицающее свободу, не оставляет места морали. Предпринять доказательство — значит рисковать впасть в банальности. Но разве не сказал Лейбниц, что бывает полезно доказывать даже очевидное? Доверие, приобретённое определёнными заблуждениями, может придать новый характер и современный интерес самым древним истинам. Итак, я вкратце изложу общие результаты нравственных исследований и выведу из них следствия.

† † †

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

Моральные суждения, идеи, объединяемые этими суждениями, и различные чувства, с ними связанные, предполагают один исходный факт, который нельзя смешать ни с каким другим: долг, или обязанность, предписывающая нам действия, не принуждая нас к их совершению. Этот факт — психологическое основание нашего разумного представления о добре.

- Если бы не существовало разума, разум не мог бы постичь истину.
- Если бы не существовало эстетического чувства — разум не постиг бы красоту.
- Если бы не существовало долга — разум не мог бы постичь добро.

Когда г-н Кузен представил публике итог всей своей жизни, он объединил свои мысли под тремя главами: Истина, Красота и Добро и, обращаясь к прошлому, мог сказать: «Философия во все времена строилась на трёх основных идеях — истины, красоты и добра». Если философия всегда различала эти три основные идеи, логично предположить, что они относятся к трём разным первичным фактам. История подтверждает вывод внимательной психологии, которая выделяет особый факт нравственного долга или обязанности среди всех других элементов духовной жизни.

Обязанность — это первичный факт, но не простой. Анализ выявляет:

1. Волю или способность действовать, являющуюся субъектом обязанности;
2. Мысль о возможном действии, являющуюся объектом обязанности.

Моральная обязанность предполагает волю — или силу, способную производить действия, причина которых находится в самой этой силе. Это воля, или свободная причина (эти два понятия тождественны, поскольку, как уже говорилось в этом же труде: «Свобода есть не что иное, как характеристика причины, которая хочет того, что она делает, и знает, чего она хочет»), — вот что составляет нашу сущность как духовных существ, делает нас личностями, а не вещами. Существование воли делает нас ответственными за наши действия; а понятие ответственности невозможно объяснить, если отвергнуть свободу воли.

Внешние воздействия и наша собственная природа могут добавлять «вес» в чаши весов наших раздумий, но именно свободная сила взвешивает и, склоняясь на одну из сторон, заставляет весы опуститься. Если нас убедят, что поведение человека есть необходимый результат полученных импульсов, что в нём нет никакой силы, которая хоть в какой-то мере была бы причиной его действий, — тогда понятие ответственности исчезнет, и субъект обязанности будет уничтожен. Следовательно, моральная обязанность предполагает существование воли. Этого утверждения достаточно услышать, чтобы признать его доказанным: Ubi igitur virtus, si nihil situm est in ipsis nobis? «Где же тогда добродетель, если ничто не зависит от нас самих?» — как говорит Лукулл в «Академиках» Цицерона.

Обязанность также предполагает, во-вторых, действие, мыслимое как возможное — то есть действие, которое мы представляем как такое, что может быть или не быть осуществлено нами. Идея добровольного действия предшествует его осуществлению. Эта предварительность видна, когда мы размышляем ощутимое время. Даже в случаях, когда размышление кажется мгновенным, идея действия всё же предшествует самому действию, пусть даже время между ними и ускользает от восприятия.

Храбрый человек, в ком мужество стало второй природой, может не колебаться ни секунды перед лицом опасности. И всё же он знает, что делает, и знает до того, как захочет это сделать. Иначе героический крик: «Ко мне, Оверн!», которым рыцарь д'Ассас спас французскую армию, был бы тем же, что и крик страха, вырвавшийся непроизвольно.

Действие, не предшествуемое идеей, — не добровольное; оно относится к механике инстинкта. И если человек его осознаёт, он воспринимает его как результат внешней причины и не приписывает его себе. Действие, мыслимое как возможное, — это действие, осуществление которого является случайным (необязательным). Таким образом, утверждение о том, что долг предполагает возможность действия, можно выразить иначе:

— моральный долг предполагает, что волевые действия не предопределены, а возможны в разных вариантах — они случайны, то есть контингентны.

Если же контингентность — лишь иллюзия, тогда и сама мораль теряет основание и превращается в вымысел. Таким образом, два взаимосвязанных понятия — свобода и контингентность — заключены в факте долга, поскольку свободное существо является субъектом обязанности, а случайное действие — её объектом. Если устранить либо свободу, либо случайность, долг исчезнет. Следовательно, признавая реальность долга, мы признаём также свободу и случайность. Эти два понятия, извлечённые из достоверного факта посредством безупречного анализа, становятся не вопросами для решения, а данными опыта, который служит законным критерием любой теории.

Истинный вопрос, от которого зависит вся значимость последующих рассуждений, таков:

- Является ли моральная обязанность фактом?
- Является ли долг реальностью?
- Существует ли моральный порядок?

А он существует. Доказательство этого — в том, что мыслители, отрицающие его, неизбежно противоречат сами себе, поскольку как люди продолжают ощущать реальность того, чьё существование они как философы отвергают. Даже если бы кому-то удалось заглушить в себе чувство собственной ответственности (что само по себе — почти невозможно), ему всё же не удалось бы всерьёз — в практическом смысле — отрицать ответственность других. Никто не может испытывать те же чувства по отношению к злодею, причинившему ему зло, и к черепице, упавшей ему на голову.

Никто не сможет прожить и часа в согласии с доктриной, отрицающей принципиальную разницу между вещами и людьми. Если бы подобные теории воплотились в одном человеке, если бы появился человек, для которого идея моральной ответственности утратила смысл, и который бы в себе заглушил все чувства, вызываемые у нас добром и злом, пороком и добродетелью, то этот печальный продукт философии должен был бы быть отнесён естествознанием к разряду уродов, у которых отсутствует один из важнейших органов нормальной и полноценной человеческой жизни. Писатели, разделяющие науку и жизнь на два обособленных мира, не примут этот довод.

Но строить себе жизнь отдельно от науки и науку отдельно от жизни — значит лишиться самого духа философии, которая есть не что иное, как стремление к универсальному объяснению и не может оставить без внимания такую важную реальность, как жизнь.

Можно услышать, как говорят: «в поисках истины нужно отбросить моральные соображения». Что же имеют в виду те, кто так говорит? Разве они представляют себе науку как нечто иное, нежели объяснение фактов? Разве они отрицают существование нравственных фактов? На деле они путают индивидуальные и изменчивые интересы, которые действительно должны быть исключены из науки, с всеобщими и неизменными фактами сознания, которые, как и всякие факты, служат критерием для систем, посредством которых человеческий разум стремится постичь вселенную. Это грубое смешение понятий.

Мы можем перейти к следующему шагу и изложить законное влияние моральных исследований на определение идеи философии.

КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Фундаментальный спор между защитниками древней программы философии и сторонниками современной, как мы видели, касается вопросов о действенной причине (causa efficiens) и целевой причине (causa finalis), — следует ли включать их в рамки науки или исключить оттуда.

Когда мы изучаем природные явления, мы воспринимаем факты, причина которых нам прямо неизвестна. В опыте собственной воли мы воспринимаем одновременно и силу, и её акт — причину и следствие. Чтобы развести идею действующей причины и волевого акта, нужно было бы уметь воспринимать собственные акты воли как внешние явления, происхождение которых нам неизвестно. Однако такая мысль внутренне противоречива. Добровольное действие есть таковое только потому, что мы сознаём его причину, а она — мы сами. Отделить факт от его причины — значит разрушить само понятие факта. Современная наука, устраняя понятие действенных причин из круга нашего знания, устраняет тем самым и волю. А ведь воля — это условие всех нравственных фактов. Если нравственные факты существуют, значит, существует и воля; а если воля существует, то рамки современной науки, в которых для неё нет места, неполны.

Целевая причина требует аналогичных соображений. Цель природных явлений нам никогда не известна непосредственно. Можно спорить о ценности умозаключения, например, от использования органа — к его назначению. Но нравственный порядок представляется в других условиях. Долг по сути своей есть назначение нашей воли, цель, предписанная нашим поступкам. Привлекательности, которые нас влекут, не являются целями. Эти привлекательности различны, часто вступают в борьбу и всё же оставляют нам чувство нашей законной свободы. Никто не чувствует себя обязанным предпочитать музыку живописи или живопись — музыке. Долг обязывает: он выражает то, что должно быть. Сказать, что долг — это то, что должно быть, — едва ли не простое перефразирование. Сказать, что то, что должно быть, — это назначение, — абсолютно точный перевод. Удалите понятие назначения — и вы больше не найдёте долга. Таким образом, наука, которая абсолютно и без исключений исключает из своей программы целевые причины, не оставляет места для доктрины долга. А если долг существует, то рамки современной науки неполны.

Нам предлагают ограничить мышление изучением фактов и законов, потому что причины и цели — вне наблюдения. Мы отвечаем: в нравственном акте действенная и целевая причины содержатся в непосредственных восприятиях сознания — они являются частью самого факта. Утверждать, будто наука ограничивается фактами и исключает рассмотрение причин, — это значит отрицать априори, по самому понятию науки, существование фактов, восприятие которых включает восприятие их причины. А все нравственные факты именно таковы. Устраняя причины, устраняют не гипотезы и теории, а факты.

Дюгалд Стюарт утверждает, что высшая цель философии — распознавать естественную связь явлений. С какой целью? Он сам отвечает: «чтобы соответственно направлять своё поведение». Призывая нас направлять своё поведение, он признаёт, что мы обладаем регулирующей силой, или, иными словами, что мы — причины. Следовательно, мы не можем исключить причины из предмета науки, не исключив при этом самих себя. Кажется, будто Сократ указывает пальцем на фронтон храма в Дельфах и говорит современному учёному то же, что когда-то сказал ионийским физикам: «Познай самого себя».

Современная программа исключает человека из рамок науки. Она исключает также и всякий элемент случайности из мироздания, как мы уже объяснили. Она предполагает: 1) что все законы — необходимы; 2) что все законы — это просто выражения свершившихся фактов,

ибо в мире необходимости не может быть иного возможного, кроме реального. Рассмотрим вкратце оба этих положения.

Детерминизм — это предпосылка, или, говоря языком школ, постулат всех физических наук. Детерминизм предполагает абсолютную неизменность законов. Неизменность законов предполагает инертность материи.

(Детермини́зм — это философское учение, согласно которому всё происходящее в мире предопределено и имеет необходимые причины. В рамках детерминизма считается, что все события, включая человеческие действия, мысли и решения, обусловлены внешними или внутренними причинами, и не могли бы быть иными при тех же условиях) Прим. Ред.

Допустите хотя бы один акт спонтанности в атомах — и вся наука о природе будет опрокинута. Мы наблюдаем в этой сфере лишь регулярную передачу движения. Здесь нет, собственно говоря, причин: ничто не начинается. Если детерминизм применим к духовному миру, то духи должны быть, как и атомы, лишь передаточными агентами, безразличными к импульсам, которые они получают и передают. Оправдать этот метод можно только, провозгласив инертность духовных существ. Однако инертность исключает саму возможность ответственности — а без ответственности невозможно и существование нравственного порядка. Следовательно, необходимо сделать выбор:

- либо всё происходит по необходимости, и тогда совесть вводит нас в заблуждение, предписывая действия, которые она представляет как возможные,
- либо совесть действительно воспринимает нравственный долг как закон, обращённый к свободе — и тогда не всё подчинено необходимости.

Отсюда следует: утверждение, что все законы, изучаемые наукой, являются законами необходимости, несовместимо с признанием существования нравственного порядка.

Перейдём ко второму пункту. Можно ли допустить, что все законы, входящие в сферу универсальной науки, — это просто выражения свершившихся фактов?

Физические законы выражают то, что есть; моральные законы — то, что должно быть. Природа познаётся нами потому, что она существует; знание следует за бытием. Моральный порядок познаётся нами для того, чтобы быть осуществлённым; его осуществление следует за знанием. Материальная вселенная никоим образом не зависит от нашего знания; звёзды подчинялись законам Кеплера ещё до Кеплера. Но законы духовного мира могут быть воплощены в действительности только потому, что они открываются совести. Эти законы не выражают, подобно формулам физиков, результаты опыта или свершившиеся факты; они предписывают действия, которые предстоит совершить.

Нравственный долг, то есть присутствие закона в нас, — это действительно факт опыта. Но этот опыт, открывающий нам то, что должно быть, радикально отличается от опыта, сообщающего нам то, что есть. Эти два вида опыта объединяются в состоянии раскаяния и угрызения совести, где особенно ясно проявляется их различие. Человек, страдающий из-за своих ошибок, одновременно воспринимает закон, который должен был быть соблюдён, и волевой акт, которым он был нарушен. Без возможного различия между законом и действием, между должным и фактом, нравственного порядка не было бы. И снова необходимо выбирать:

- Или все законы — лишь выражения свершившихся фактов, и тогда моральное сознание — это иллюзия, которую ещё предстоит объяснить;
- Или совесть воспринимает закон как идеальное правило случайных поступков, и в этом случае не все законы, которыми должна заниматься универсальная наука, являются просто выражениями свершившихся фактов.

Таким образом, исключить причины из философии — значит заранее утверждать, что наука о духе подчиняется тем же условиям, что и наука о природе. Это означает свести всё к физическому методу, который провозглашается универсальным. Эта концепция проста, но обладает той поверхностной простотой, которая является отличительной чертой привлекательных заблуждений. Таким образом можно избежать трудных проблем. Нет нужды спрашивать, как свобода, в существовании которой свидетельствует совесть, может сочетаться с историческими законами — весьма отличающимися от законов природы, но всё же существующими, — а их согласование с существованием свободных актов воли является трудной задачей. Но не признавать проблем — не значит их решать; отрицать факты — не значит их объяснять; урезать разум — не значит его удовлетворить. Разум не может игнорировать ни закономерную связь явлений природы, ни реальность случайности в духовных фактах. Все усилия разума должны быть направлены на то, чтобы обнаружить принцип, объясняющий различие и согласие этих двух главных элементов мироздания: материи и духа, природы и свободы.

† † †

Четвертая часть вернуться к содержанию >>>

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ И БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ

Необходимо вернуться к мыслям древних и вернуть право гражданства причинам, несправедливо изгнанным с территории философии. Но, заимствуя у прошлого содержащиеся в нём семена истины, мы должны, при помощи новых озарений, защитить эти драгоценные семена от тех искажений, которые помешали их развитию.

Истинное понятие причины берёт своё начало в сознании воли.

Греки это поняли — или, скорее, почувствовали. Именно в воле они, пусть не отдавая себе в этом отчёта, почерпнули образец причины, которую ищет и требует разум. Это особенно ясно в известном месте Федона, где Платон, утверждая, что идея блага есть подлинная причина явлений, показывает Сократа, остающегося в тюрьме, потому что мысль о добре направляет его волю. Великая теория, изложенная в Государстве, где благо обозначено как принцип вселенной, естественным образом вызывает мысль об агенте, чья сила направляется этим высшим понятием. Это видно особенно ясно в Тимее, где мир объясняется через мысль, что «Бог хотел, чтобы всё было хорошо». Невозможно размышлять о теории четырёх причин Аристотеля, не осознав, что она проистекает из рассмотрения воли, преследующей цель, действующей на данную материю посредством разума. Эта связь между теорией науки и сознанием человеком своей воли, по-видимому, не была осознана самим Аристотелем. Тем более интересно и важно её отметить.

Истинное понятие причины, изначально тождественное понятию свободной силы, составляет, таким образом, основание научной концепции, как её формулировали ученики Сократа; это и есть основа древнего представления о философии. Но греки скорее предполагали наличие причины и свободы, чем прямо и последовательно включали эти элементы мироздания в конструкцию своих систем. Как люди, как законодатели, как моралисты, они осыпали свои сочинения утверждениями, которые м-р Левек с удачным выражением называет признаниями в пользу свободной воли; но их мысль была направлена в другую сторону. Они утвердили, в противовес эмпиризму, теорию разума, чью природу определил Платон, а законы сформулировал Аристотель. Эта великая работа целиком их поглотила. Пока они защищали мышление от чувственности, они не позаботились о том, чтобы теоретически защитить свободу от посягательств фатализма разума.

Возврат к древней программе философии и её обогащение подлинной теорией причины; чёткое осознание последствий нравственных фактов для концепции всеобщей науки — вот работа, к которой призвана ныне философия. Новые пути открыты перед нами. Воспользуемся плодами труда Канта; но не будем думать, будто, чтобы спасти долг и свободу, нужно отказаться от метафизики. Напротив, постараемся реформировать науку в целом, возвращая свободе и долгу их законное место и отмечая их следствия. Провозгласим, что раз нравственные факты — это факты, то философская концепция, исключающая их, есть ложная концепция, поскольку она априори отвергает столь существенные элементы опыта. Дух нашего времени, в том, что в нём наиболее прочного, благоприятствует этому начинанию.

Прогресс экспериментальной психологии — науки относительно новой — служит завоеванием в пользу подлинного учения о причине и свободе. Достаточно вспомнить для Франции труды Мена де Бирана. Мен де Биран, подчас чрезмерный в своих мыслях, как это часто бывает с мыслителями резких реакций, временами, кажется, отождествлял волю с разумом; но его анализы убедительно доказали участие свободной, личной причины в явлениях мышления и чувствования, — и в этом отношении его труд велик и останется значительным.

Наш век с жаром предаётся изучению истории, и представители исторических наук напомнят тем, кто забывает об этом, что между законами развития обществ и законами движения материи лежит пропасть, и что надежда когда-нибудь предсказать человеческие поступки с такой же точностью, как путь звёзд, есть «тщеславие, слишком мало философское» (M. Mignet, Éloge de Jouffroy.).

Наконец, в идеях так называемого современного духа есть одно противоречие, которое достаточно прояснить, чтобы нанести серьёзный удар по детерминистской концепции науки. Мы видим, как известные авторы соединяют в одном и том же противоестественном соединении — социальный либерализм и философский фатализм. Им, как Жаку из Мольера, приходится переодевать свою мысль в разные одежды, в зависимости от темы. Эта необходимость, должно быть, тягостна. Всякий прогресс социальной идеи свободы — это поражение для философской концепции, которая отказывает человеческой свободе в праве утвердить своё существование.

Так называемая современная наука противостоит, таким образом, всему самому серьёзному и глубокому в современном движении мысли. Её метод несовместим с историей, с социальной свободой, с природой человека, как она проявляется человеку в серьёзной психологии. Прежде всего, он несовместим с этой славной реальностью, которая одновременно является достоинством нашей природы и справедливым основанием для нашего смирения: с долгом.

В итоге необходимо:

– или отрицать нравственный порядок, то есть уничтожить основание жизни, как отдельных людей, так и обществ;

– или оставить нравственный порядок вне науки, которая тогда уже не будет всеобщей наукой — философией;

– или отвести причинам место в науке и тем самым признать, что Аристотель был прав, а наши современные мыслители — нет.

† † †

"О влиянии моральных исследований на представление о философии" (Ernest Naville)

Автор в этой работе выступает против одностороннего, позитивистского или натуралистического понимания философии. Он утверждает, что подлинная философия — это не просто рациональная система знаний, но органическое знание, которое учитывает как факты природы, так и внутренний опыт человека — свободу, долг, совесть.

Он показывает, что:

- наука, исключающая мораль, отрицает часть реальности;
- моральные факты включают в себя причинность и целеполагание, которые современная наука отвергает;
- исторически философия начиналась с морального самопознания (Сократ, Платон);
- отказ от метафизики и свободы — это не решение, а бегство от трудностей.

Философия, которая стремится быть универсальной, должна включать в себя мораль, а значит — признать свободу, долг и метафизику. Только так она останется верна своему назначению — быть наукой о человеке и о мире в целом, а не просто механикой явлений.

Часть первая. Определение философии

Автор начинает с постановки вопроса: что такое философия? Он отвергает поверхностные определения (любовь к мудрости, поиск первых причин и т. п.) как слишком абстрактные. Истинное определение философии, по Навилю, должно отражать её универсальный характер, то есть стремление к единству знания. Это — попытка построить общее объяснение мира, жизни и человека, способное соединить разрозненные области знания.

Вывод: философия — это не сумма знаний, а органическая система, цель которой — объединение всех форм познания в свете разума и истины.

Часть вторая. Нравственное измерение философии

Автор утверждает, что если философия стремится к универсальности, она обязана учитывать нравственные факты, а не ограничиваться природными и логическими явлениями. Он противопоставляет моральное сознание (свободу, долг, совесть) чисто рационалистическим и материалистическим концепциям.

Вывод: моральный опыт, как факт сознания, требует признания свободы и долга, а следовательно — выхода за рамки позитивизма и натурализма, навязываемых современной философией.

Часть третья. Критика современной науки

Центральный раздел. Автор критикует современную науку за исключение действенной и целевой причинности. По его мнению, такой редукционизм делает науку неполной: она отказывается признавать волю и нравственный закон, которые фиксируются в опыте совести. Он полемизирует с детерминизмом, защищает свободу воли, утверждает реальность долга и утверждает, что наука, исключающая моральные факты, — ошибочная и ущербная философия.

Вывод: моральное сознание (с его причинностью и целью) доказывает, что современная наука не может быть универсальной философией без включения этики.

Часть четвертая. Возвращение к истокам и будущее философии

Автор предлагает вернуться к античной традиции, в частности к Платону и Аристотелю, где причина и свобода имели важнейшее значение. Он призывает к философии, которая признаёт и разум, и мораль, и метафизику. При этом он отказывается от скепсиса Канта в отношении метафизики, но принимает кантовскую защиту свободы. Автор считает, что моральные исследования должны формировать философию заново, с учётом как науки, так и внутреннего опыта свободы.

Вывод: философия будущего должна быть интегральной, объединяющей знание о природе и духе, причинность и свободу, науку и мораль.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top